

Юрий Бегунов (Ленинград, СССР)

ГРИГОРИЙ ЦАМБЛАК И ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ

Посвящаю светлой памяти безвременно ушедшего Евгения Павловича Наумова

Киевский митрополит Григорий Цамблак¹ (ок. 1364—1420), болгарин родом из великотырновских бояр, и русский Иван Санин, он же Иосиф Волоцкий², родом из служилых землевладельцев Волоцкой волости Новгородской республики, игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Успения Пресвятой Богородицы (ок. 1440—1515) не были современниками. Первый из них — постриженник монастыря св. Троицы близ Велико-Тырново, ученик патриарха Евфимия Тырновского, второй — постриженник Боровского Пафнутиева Рождества Пресвятой Богородицы монастыря близ Калуги — оба были подвижниками, церковными строителями, проповедниками и писателями, глубокими знатоками Священного Писания и уставов; оба были поистине философами, умевшими находить сокровенный смысл божественного Слова — Логоса и исторически толковать тексты. Крупные писатели, первый из них принадлежал всем балканским и восточнославянским народам, второй — только народу великорусскому, оставили после себя богатое рукописное наследие: более 40 сочинений, каждый в сотнях списков.

Иосиф Волоцкий, чья литературная и общественно-политическая деятельность началась в России в обстановке прямого конфликта православной церкви с великокняжеской властью, поддерживавшей ересь „жидовствующих“³, не мог не читать сочинений „второго славянского Златоуста“ — Григория Цамблака, которые часто переписывались в то время на Руси⁴. Страстный полемист и суровый обличитель Иосиф был горячим сторонником сильной православной церкви, как и Григорий Волоцкий игумен ратовал за чистоту православия и высокую нравственность (как и

¹ О Григории Цамблаке см. подробнее нашу большую книгу „Творческое наследие Григория Цамблака“, выходящую в свет в Издательстве Болгарской академии наук в Софии. Данная статья не вошла в эту книгу.

² Иосиф Волоцкий. Просветитель. Казань, 1857; Хрущов, И. П. Исследование сочинения Иосифа Санина. СПб., 1868; Послания Иосифа Волоцкого. Подг. текста А. А. Зимин и Я. С. Лурье. Отв. ред. И. П. Еремин. М.—Л., 1959; Золотухина, Н. М. Иосиф Волоцкий (Из истории политической и правовой мысли). М., 1981; Лурье, Я. С. Иосиф Волоцкий миру Иван Санин). — В: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI вв.). Ч. 1. А-К. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988.

³ Казакова, Н. А., Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XVI вв. М.—Л., 1955.

⁴ Е. П. Наумов (см. 18. I. 1990) уже установил факт влияния одних сочинений Иосифа Волоцкого (Трактат

Киевский митрополит), он получил известность на Руси как идеолог „иосифлян“ особого направления русской религиозной мысли, подготовившего почву для рождения теории „Москва — Третий Рим“.

После того как великий князь Московский Иван III (1462—1505) уступил церкви, отказавшись от секуляризационных планов (т. е. решений собора 1503 г.) и согласился на расправу над еретиками „жидовствующими“ (1504), Иосиф Волоцкий меняет свою идеологическую позицию и заявляет, цитируя Агапита, дьякона храма св. Софии (VI в.), „царь убо властью подобен вышнему Богу“⁵. Так, из оппозиционера несправедливой власти он превращается в апологета монархии, служащей бескорыстно и ревностно защите правой веры. Непременная часть служения церкви — преследование врагов креста Христова еретиков „жидовствующих“. А взамен — „моления за царя“, проповедь союза „священства“ и „царства“, экономическая политика „стяжаний“ и коммендаций иноков — „иосифлян“, которых их церковные противники „нестяжатели“ в полемическом пылу называли „непогребенными мертвецами“, желающими править всем: и церковным, и мирским. Не таким был Григорий Цамблак, полагавший, по Евангелию, что „кесарю принадлежит кесарево“, а „Богу — Божье“, однако и он ратовал за сильную и независимую православную церковь, способную защитить себя и от скверны еретичества, и от раскола церковного, и от „напасти агарянской и людей пленения и потребления“.

Неизреченна „пельнь судеб Божиих“, изливающаяся на нас! Неисповедимы судьбы великих и мудрых мужей, радость на скорбь нам пременяющих!

В своем Послании к главе Русской церкви на заре XVI итогового века русской истории архиепископ Серапион осудил поступок одного своего подчиненного игумена Волоколамского монастыря Иосифа Санина, самовольно перешедшего вместе со всем монастырем в непосредственное подчинение великому князю Московскому Василию III (1507). Новгородский архиепископ, в чьей епархии был расположен монастырь и у которого Иосиф не спрашивал благословения, рассматривал этот поступок как грубое нарушение церковного закона — Кормчей книги. И потому епархиальный архиерей объявил, что игумен Иосиф „отступил от небесного, а перешел к земному“ и отлучил его от церкви. Конфликт 1507—1509 гг. породил оживленную литературную полемику. В ней имя митрополита Киевского Григория Цамблака поминалось не с лестной стороны: как раскольника, послушавшего своего начальника — митрополита Московского и Киевского Фотия Грека и согласившегося с тем, что собор западно-русских епископов в Новоградке поставил его на Киевский митрополичий стол. Осуждение Цамблака игумену Иосифу было очевидно неприятно, так как он хорошо знал Григория как блестящего церковного писателя, чье „Надгробное слово митрополиту Киприану“ послужило ему образцом для написания изысканного литературного „Послания вельможе Иоанну о смерти князя Бориса Васильевича Волоцкого“ (май 1494 г.)⁶.

Сравним, например, между собой следующие тексты:

Григорий Цамблак. „Надгробное слово митрополиту Киприану“

... Тогда радостна бѣша, нынѣ же рыдательнаа; тогда веселиа арганы начинахом', нынѣ же плачевныа подвижем'. Тогда бо стѣшааше разлече-

Иосиф Волоцкий. „Послание вельможе Иоанну о смерти князя“

Вам же и нам общая преложится трапеза и питие с плачем растворено: тогда веселиа арганы начинахом, ныне же плачевные подвижем песни, тогда утешаше

⁵ Послания Иосифа Волоцкого . . . , с. 184. Ср. Шевченко, I. A Neglected Source of Muscovite Political Ideology. — Harvard Slavic Studies. Vol. 2. Cambridge, Mass., 1954, 141—179.

⁶ Дончева-Панайотова, Н. Киприан — старобългарски и староруски книжовник. С., 1981, 19—22. Ср.: Лурье, Я. С. Послание вельможе Иоанну о смерти князя. (К проблематике литературных памятников). — Slavia, 1958, No 2, 216—225; По-

ныне же последнее наше разлучение
изволи, пропасть велика посреди того
же и нас' утверди са. Въз бо во
Авраамовых' упокоивает са недрух.
Мы же, того желаннем' палимн, стра-
жемъ и встѣжающаго нѣсть. Тогда доу-
ховнѣ ликоствовахом', ныне змнано въ
страстех' въздышем'. Тогда свѣтлаа,
ныне надгробное поемъ. О, злыя тмы,
въстокъ свѣтлаа не уповающен! Внде
доброта она, яже паче солнечных' зарен
вамъ же и насладчаншаа.

Братіа бо вамъ есмы въ лчшн, по-
неже и отець вашъ, нже плачу нам'
предлежит' вина, братъ бѣаше нашемъ
отцю. Сего ради, егда веселасте са вы,
и мы слышаше, веселію вашему спрнча-
шахом' са. И плачу вешемъ подобны
есмы сообщницн, понеже и бѣда опца.

Молчат' глас' сладкн онъ и да
снце рекъ небесныи. Отвдв бо нмаше,
еже въшатн, и паче вина сердца
веселашн. Затвориша са усты, тнхо
ево движныа, обнано же благодать
нспвшающаа. Где око небесное зрашее,
еже томъ дарова Богъ въ пвстынн еше
свшъ? Гдѣ вохъ, божественаго гласа
пославшающее? Гдѣ языкъ онъ истин-
нын і еретнкнм' страшнын? Гдѣ слад-
каа чнма тишина? Гдѣ устнам' свѣт-
лое славление благоговѣннем' явлѣе-
мое? Гдѣ десница много благословляе-
маа? Гдѣ свѣтлае вно надруно доуха,
корабль вашего жителства сътворяю-
щее тнхо преплавати житнскыа влн-
ны? Гдѣ нзвѣстное доушамъ кормло,
нмъ же възмѣщенна языческаа бестра-
стно прехуждаасте? Гдѣ непреложное ра-
звма утверженне, нм' же всак' страх'

ныне же последнее наше разлученіе
изволи и пропасть велика посреди те
же и нас утвердися. Но убо уже во
приемлет противу страстем возданіе
ови же кождо особъ ходяще хождах
плакахуся и метающе семена трудо
своих: — Гряди же, придут в паки быти
в земле радостию рукояти своя". Мы
же тех желанием палимы стражем, и
устужающаго несть. Тогда радостне
ликоствовахом, ныне обилно о страстех
воздышем; тогда светлое, ныне же над-
гробное. О злыя тмы восток светила
не уповающей! Отиде доброта она паче
всякия вещи вам же и нам сладчайшая,
и понеже общая вселенская беда иже
плачу нам предлежит вина. И сего ради,
егда веселястесь вы, и мы слышаше
веселию вашему спрнчашихомся, и плачу
вашему подобни есмы сообщницы.

Молчат гласи сладчайшии они и паче
вина веселяще сердца слышаших, и аще
инии и еше в живых, но нам уже со
отшедшими равни.

Затворишася от нас усты благора-
зумне подвигаемы, обилие же благая
беседующе. Где очи светле на нас и
радно взирающаа? Где бо уши иже
ни слышати хотящая еретическая раз-
вратна преданія? Где языцы они не-
обиновени о истине и еретиком страш-
нии? Где сладкая очима доброта? Где
устнам радостное и любви полное ос-
славление? Где десница милость ни от-
части не забывающе? Где храброе не-
победимое тех душа кормило, им же
възмущение языческое и варварская на-
хождения небоязнено побежаху? Где
непреложное разума утвержение, им же
всяк страх сопостатных от земля на-

гонасте? Гдѣ добрыи корѣмчѣн, нже
вашего вма карабль къ небесем' на-
правляаше? W, лютаго истомлен а томѣ,
напрасно ѡ нас' ѡбѣгшѣ!⁷

шея отганяху? О лютаго истомления!
Тем напрасно от нас отбегшим, и мы
в сиротстве остахом!⁸

И так далее. Примеры можно было бы умножить. Зависимость текста „Послания“ от „Надгробного слова“ бесспорна. Иосиф Волоцкий искусно пользуется стилистикой и образной системой произведения Григория Цамблака, формируя свои образы и свою стилистику с единой целью: создать единый риторический плач и „жалостное пение“ по поводу смерти братьев Ивана III в лучших традициях древнеславянского книжного витийства. Гибель лучших представителей княжеского рода сравнивается им с погасшим от дуновения „завистного ветра“ светильником, исполнившим Русскую землю тьмою и дымом, и горестью. Этого образа нет в „Надгробном слове“. Смерть Киприана уподобляется отлетевшему церковному соловью или исчезающему церковному сосуду даров. И потому поистине сбылось на нас, грешных, пророческое слово: „И ты, сердце, поколебалось!“ И вот уже не только сдало сердце, но и очи не могут больше точить огненных слез по безвременно ушедшим праведникам: митрополите Киприане и князе Борисе Волоцком. Так, одухотворенный, снует челнок людской истории, сменяя лица, но оставляя вечным и неизменным благородное существо подвига небесного человека и земного ангела, спасающего людей. Церковное отлучение, да и сама смерть, над ними не властны!

Приводим здесь интересующий нас текст о Григории Цамблаке: „... уподобится он (т. е. *Иосиф игумен* — Ю. Б.) прежнему оному Цамблаку, иже раскол сотвори велице апостольстей церкви Божии и святейший велицей митропольи, юже ложно себе поставил в митрополиты.“⁹ В основу публикации положена ркп. ГПБ, Погод. 1554, XVI в., л. 29 об.

⁷ Ангелов, Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. С., 1958, 185—186.

⁸ Послания Иосифа Волоцкого. . . , 156—157.

⁹ Послания Иосифа Волоцкого. . . , с. 331. Благодарю Ивана Марчевского, обратившего наше внимание на этот текст.